

Анна Комзолова: Катков в окружении единомышленников

*Anna Komzolova (Moscow, Russia):
Surrounded by like-minded people*

DOI: 10.31857/S086956870001568-2

А.Э. Котов исследовал оригинальную и малоизученную тему – окружение М.Н. Каткова, «самого влиятельного русского публициста XIX столетия», в «постлиберальный» период его деятельности. Как известно, Михаил Никифорович пользовался поддержкой многих высокопоставленных чиновников, особенно в 1880-е гг. К их числу автор книги относит И.Д. Делянова, М.Н. Островского, К.П. Победоносцева, И.А. Вышнеградского, С.Ю. Витте, А.Д. Пазухина, Е.М. Феоктистова, А.И. Георгиевского и др. Кроме того, повседневная подготовка редактировавшихся Катковым изданий основывалась на скоординированных совместных усилиях широкого круга видных публицистов и журналистов средней руки.

¹⁶ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 143–153.

К концу 1850-х гг. в редакциях газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» образовался «тройственный союз» М.Н. Каткова, Н.А. Любимова и П.М. Леонтьева. На долю Любимова выпал «чёрный и нелёгкий труд»: в 1863—1882 гг. он редактировал «Русский вестник», занимаясь прежде всего урегулированием возникавших деловых и творческих вопросов. При этом решающее слово всегда оставалось за Катковым (с. 93). Вместе с тем, оставаясь полным его единомышленником в политических вопросах, Николай Алексеевич, по мнению современников, «смотрел на всё шире, свободнее, и больше придавал значения реальному качеству вещей, чем традиции» (с. 128). Леонтьев, согласно характеристике Котова, «выполнял скорее организационную роль» (с. 5). Учитывая известную редакторскую «неслиянность и нераздельность» Каткова и Леонтьева, у их современников невольно возникал далеко не тривиальный вопрос: «Где кончается Катков и начинается Леонтьев?» Как утверждал А.С. Суворин, мнение которого приводит Котов, «г. Леонтьев начинался именно там, где кончался талант и одушевление г. Каткова, и где начиналась житейская рассудительность, расчётливость и кропотливое упорство в достижении своих целей» (с. 44—45). Все же остальные сотрудники катковских изданий не имели своего голоса и всецело подчинялись воле редактора (с. 46). При этом вокруг них, по словам автора, «постоянно вспыхивали скандалы, связанные с подлогами, шантажом и финансовыми махинациями» (с. 4).

Характеризуя «Московские ведомости» как яркий пример «персонального журнализма», Котов связывает их феноменальное политическое влияние не только с «пресловутой литературоцентричностью старой России, архаичной верой тогдашнего русского общества в магию печатного слова» (с. 48), но и с харизмой самого Каткова. Неудивительно, что после его смерти в 1887 г. издание испытывало «бедность людьми» и пришло в упадок. Представители младшего поколения «катковцев», родившиеся после 1850 г. — В.А. Грингмут, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ю.С. Карцов, Л.А. Тихомиров (причисляемый автором к ним «с некоторой натяжкой») и др. — уже «во многом отошли от идей своего прежнего “вождя” и вдохновителя», а к началу XX в. и вовсе растворились в черносотенном движении (с. 464, 477).

Несмотря на то, что близкие к Каткову публицисты уступали ему и в творческом, и в нравственном отношении, они безусловно заслуживают внимания исследователей, поскольку именно в головах этих «деятелей второго плана», по словам Котова, «идеология “кристаллизуется” и вступает в соприкосновение с реальностью» (с. 409). Кто же, согласно автору, входил в катковское окружение в 1860—1880-х гг.? В «Предисловии» Котов причисляет к нему всех, кто разделял взгляды Каткова или его «идеологию бюрократического национализма» и выступал в роли её «пропагандиста» (с. 4—5). Личные и деловые отношения этих людей с Михаилом Никифоровичем, т.е. реально существовавшие между ними связи, а не некое отвлечённое единомыслие, особого значения для автора монографии не имеют. Вследствие подобной трактовки само понятие «окружение» становится весьма расплывчатым, по сути речь уже идёт о какой-то протопартии со своей идеологией, «партийной» печатью, а также «вождём и учителем». Читатель не найдёт в книге очерков о таких действительно близких Каткову личностях, как не являвшийся «значимым публицистом» П.М. Леонтьев, а также Георгиевский и Феоктистов, которые «проявили себя в большей мере как государственные деятели», но не участвовали в газетно-журнальной полемике. Зато автор рассказывает о С.С. Татищеве, поскольку он в своих трудах «развивал катковские представления о внешней политике» (с. 475). Между тем Сергей Спиридонович стал регулярно помещать свои статьи в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» (а также в суворинском «Новом времени» и других изданиях) только со второй половины 1880-х гг. (с. 276), т.е. пе-

риод его наибольшей творческой и публицистической активности фактически начался уже после кончины Каткова.

Но где же тогда кончается близкий круг единомышленников консервативного мыслителя и публициста и начинается широкое идейное течение консерватизма, по каким критериям следовало бы отделять тех, кто действительно являлся его непосредственным сотрудником, от «партизан» и эпигонов, и где проходит тонкая грань между индивидуальным и коллективным в системе их убеждений и верований? Ощущали ли сами «катковцы» мировоззренческую близость не только с «Московскими ведомостями», но и друг с другом? Что заставляло разделять схожие убеждения столь разных людей, как университетские профессора Н.А. Любимов и И.Ф. Цион, боевой офицер и чиновник П.К. Щебальский и родовитый дворянин и неудавшийся дипломат С.С. Татищев?

Один из наиболее интересных биографических очерков, включённых в книгу, посвящён Петру Карловичу Щебальскому. «Служилый человек с непростой судьбой», он в 1840-х гг. воевал на Кавказе, в середине 1850-х гг. был московским полицмейстером, в 1858 г., в 48 лет, перешёл на статскую службу и поступил в Министерство народного просвещения, с 1871 г. служил в Царстве Польском (с 1875 г. — в Варшаве), а в последние годы жизни редактировал «Варшавский дневник». Описывая карьеру Щебальского, Котов в основном опирается на сведения, попавшие в некролог. Но это не позволяет осветить, например, его службу чиновником по особым поручениям в учебном ведомстве на рубеже 1850–1860-х гг. Между тем не вызывает сомнений живое участие Щебальского в разработке проектов реформирования системы начального образования крестьян, прежде всего — на западных окраинах империи. В 1862 г. министр народного просвещения А.В. Головнин поручил ему подготовить проект сети школ для крестьянских детей Северо-Западного края. Тогда же Щебальский составил оставшийся нереализованным проект «народного» органа печати, который должен был издаваться для сельских жителей на белорусском и литовском языках. Помимо «Чтения из русской истории», он был автором исторической работы «Рассказы о Западной Руси»¹⁷. В 1860-х гг. этот труд был рекомендован Учёным комитетом Министерства народного просвещения для изучения в старших классах гимназий, а также «грамотным простолюдинам». Во время польского восстания 1863 г. Щебальский встречался с виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьёвым, который предлагал ему возглавить редакцию газеты «Виленский вестник», перешедшую тогда в ведение местной администрации. Щебальский отказался, но, как сообщал Каткову, с Муравьёвым «расстались самым дружелюбным образом. Он человек замечательный, но всё остальное вокруг него — увы!»¹⁸.

Анализируя публицистику Щебальского, Котов отказывает ему в оригинальности взглядов. По его мнению, Пётр Карлович преимущественно «озвучивал и иллюстрировал историческим материалом мысли М.Н. Каткова» (с. 188). Однако сам Котов неоднократно указывает, что в рассуждения Щебальского, который считал себя либералом, постоянно «вкрадываются» то западнический «европеизм», то либерализм, то отдельные идеи московского славянофильства. В целом же его взгляды в 1860–1880-х гг. оставались достаточно статичными, видимо, сформировавшись ещё в дореформенный период, и поэтому зачастую звучали «в духе раннего Каткова» (с. 202). Таким образом, для более полной характеристики мировоззрения Щебальского нужно обстоятельнее изучить его творчество, привлекая архивные документы.

¹⁷ Щебальский П.К. Рассказы о Западной Руси. М., 1864 (Изд. 2. М., 1866).

¹⁸ ОР РГБ, ф. 120, к. 22, л. 190.

Явной натяжкой выглядит и причисление к окружению Каткова М.Ф. Де-Пуле. Михаил Фёдорович прибыл в Вильну в январе 1866 г.¹⁹ и уже в ноябре возглавил редакцию «Виленского вестника», заменив А.И. Забелина, пользовавшегося к тому времени репутацией одиозного русификатора²⁰. Незадолго до этого главным начальником Северо-Западного края вместо К.П. фон Кауфмана стал гр. Э.Т. Баранов, сразу же заявивший о намерении, сохраняя в целом «систему Муравьёва», изменить некоторые методы управления. В новых условиях оказался востребованным подход Де-Пуле, апеллировавшего не к эмоциям, а к здравому смыслу, и призывавшего к осторожности в деле русификации. Под «обрусением» он понимал прежде всего распространение цивилизации, как пишет Котов, «отчасти в шпенглеровском значении этого слова» (с. 221). Признавая характерной чертой жизни Литвы и Белоруссии постоянное столкновение «двух волн» — «обрусения» и «ополячения», Де-Пуле не считал неминуемой победу первого над вторым и утверждал в письме к Бартеневу 1 августа 1866 г., что при любом исходе «край всё же останется со своеобразной физиономией, на манер Малороссии, но Москвой и Воронежем не будет»²¹. Котов справедливо указывает на серьёзные расхождения между Катковым и редактором «Виленского вестника», который отрицал существование «польской интриги», отказываясь считать её угрозой русскому влиянию в западных губерниях и к тому же «не отделял русского чиновничества от интеллигенции» (с. 219, 252, 259). Тем не менее автор книги настаивает на том, что Де-Пуле «фактически озвучивал в своей публицистике чуть смягчённую версию катковского “бюрократического национализма”» (с. 259)²².

Вероятно, с большим основанием, чем Де-Пуле, к «катковцам» можно было бы отнести ныне совершенно забытого полковника Генерального штаба С.А. Райковского (впоследствии — одного из основателей газеты «Русский мир»), о котором не упомянуто и в монографии Котова. В 1860-х гг. он проживал в Вильне и помимо журналистики изучал документы, содержавшие сведения о восстании 1863 г.²³ В некрологе, помещённом в 1876 г. в «Московских

¹⁹ В книге приезд Де-Пуле в Вильну почему-то перенесён в 1865 г., а «Виленский вестник» один раз назван «Виленским дневником» (с. 213), хотя тут же приводится цитата из воспоминаний самого Михаила Фёдоровича с верными сведениями (с. 214).

²⁰ При этом ещё 10 августа 1864 г. Де-Пуле писал П.И. Бартеневу о том, что И.С. Аксаков предлагал ему взять на себя редакцию «Виленского вестника» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 557, л. 72 об.). К кому же он был тогда ближе — к Аксакову или к Каткову?

²¹ РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 560, л. 281 об.

²² Значительно более тонко и аргументированно лавирование «Виленского вестника» под редакцией Де-Пуле проанализировал М.Д. Долбилов. Согласно его трактовке, в 1867 г. Де-Пуле стремился установить «союзнические отношения» с Катковым, разделяя его подход к гражданской русификации Западного края. Неудивительно поэтому, что Де-Пуле публично объявлял себя «партизаном» «Московских ведомостей», но вряд ли в том следует видеть безоговорочное доказательство его «катковизма». Во всяком случае, не добившись «открытой коалиции» с «Московскими ведомостями» и пытаясь избежать маргинализации в политической журналистике, он был вынужден демонстративно сблизиться с идеологически чуждой ему «Вестью», враждебной в равной мере и Каткову, и Аксакову. Вместе с тем, разделяя критическое отношение «Вести» к административным методам русификации и насаждения православия, Де-Пуле не принимал её «космополитический» взгляд на местное крупное землевладение и неверие в перспективы русской колонизации (Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белорусии при Александре II. М., 2010. С. 505–506). Долбилов также установил, что автором напечатанных без подписи в «Виленском вестнике» в 1867 г. «Московских писем», которые Котов называет «анонимными» (с. 229), был друг и соратник Де-Пуле, член Московского Славянского комитета славист П.А. Бессонов, в середине 1860-х гг. служивший в Вильне председателем археографической комиссии и директором публичной библиотеки (Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 507, 911).

²³ Результатом этой работы стали статьи С.А. Райковского «Польская молодёжь Западного края в мятеже 1861–1863 гг.» и В.В. Комарова «Польская пропаганда в школах Западного края»:

ведомостях», отмечалась связь, на протяжении многих лет существовавшая между ним и редакцией на Страстном бульваре. В частности, признавалось, что «просвещённой наблюдательности» Райковского «были мы обязаны живыми и всегда верными сведениями о ходе дел в Северо-Западном крае, где он долгое время был нашим корреспондентом», а также «драгоценными материалами о прошлом этого края, которые дали возможность правильно судить о его настоящем»²⁴.

Русский вестник. 1868. Т. 77; 1869. Т. 79, 80, 83.

²⁴ Московские ведомости. 1876. № 95. 5 мая.